

Радин А., Шаумян Л. 1932. *За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края*. Ростов н/Д. 15 с.

Тархова Н.С. 2010. *Красная армия и сталинская коллективизация 1928–1933 гг.* М.: РОССПЭН. 375 с.

Хубова Д.Н. 1995. Черные доски: tabula rasa: Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах. — *Голод 1932–1933 годов: сборник статей* (отв. ред. Ю.Н. Афанасьев). М.: РГГУ.

RAKACHEV Vadim Nikolaevich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Chair of Sociology, Kuban State University (Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040; midav.sf@rambler.ru)

RELATIONS BETWEEN INDIGENOUS AND MIGRANT POPULATIONS IN THE NORTHWEST CAUCASUS DURING IMPLEMENTATION OF COMPENSATORY MIGRATION PROGRAMMES IN THE 1930s

Abstract. The article considers the period of 1930s, when the state actively implemented so-called administrative approach to the migration flows management. It allowed controlling the relocation of large groups of people according to the political and economic decisions. The approach was particularly used during the period of grain procurement in the Northwest Caucasus, when a part of the local population, accused of sabotage, was evicted to Siberian and the Far Northern regions. The deserted territory was populated by the loyal to the Soviet government population – demobilized soldiers of the Red Army. On the basis of the archival documents, that were not previously used in scientific circulation, the author demonstrates the difficulties of the migrants' social adaptation as well as hardships and tragedies that often formed their relationships with the local people.

Keywords: compensatory migration, Stavropol, Kuban, indigenous population, migrants, social interaction, adaptation

УДК 94(47+57)(470.2326)

НИКОЛАШИН Вадим Павлович — к.и.н., ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета (393760, Россия, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101; nikolashin.vadim@yandex.ru)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УТВЕРЖДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНЕ (1917–1918 гг.)

Аннотация. В статье анализируется проблема становления советской власти в черноземной деревне. Политический прагматизм большевиков и использование аграрной программы эсеров по социализации земли упростили задачу прихода к власти в центре. Однако для удержания влияния на местах, а также для укрепления своих позиций в деревне потребовалось несколько месяцев. При этом был совершен ряд значительных ошибок, которые привели к росту антагонизма между властью и деревней, переросшего впоследствии в ряд крупных крестьянских восстаний.

Ключевые слова: советская власть, деревня, социализация земли, большевики, крестьянство

Власть как политический институт на протяжении веков являлась краеугольным камнем российской государственности. Революционный взрыв 1917 г. разрушил фундамент структуры взаимодействия власти и деревни. Ликвидация имперской системы управления привела не только к утрате контроля на низовом уровне,

но и «лишила правительство возможности получать и анализировать информацию о жизни большинства населения страны» [Сухова 2008]. Новые революционные элиты вынуждены были решать аграрный вопрос в соответствии с собственным пониманием экономических и политических реалий.

Революционные события 1917 г. как социально-экономическая и общественно-политическая «развилка» рождали возможности для генезиса новых реформационных траекторий развития деревни. Однако в качестве вариантов управленческими и интеллектуальными элитами были предложены в основном нежизнеспособные альтернативы. Аграрные программы меньшевиков, кадетов, эсеров и ряда других политических сил уже к осени 1917 г. продемонстрировали свою непродуктивность.

Наиболее мощные аграрные проекты были представлены эсерами и большевиками. Социализация земли являлась универсальной программой, которая монолитно выражала консолидированные интересы деревни в борьбе за поземельные ресурсы. Это нашло подтверждение в результатах выборов в Учредительное собрание, где наибольшее число голосов получили эсеры и большевики, выступавшие под лозунгом социализации земли. В Воронежской губернии за эсеров отдали 79,7% голосов и 13,8% – за большевиков, в Орловской губернии данные показатели составили 62,8% и 29,7% соответственно, в Курской губернии – 82% и 11,3%, в Тамбовской губернии – 71,3% и 20,5% [Протасов 1997: 363–365]. Таким образом, политические симпатии крестьянства в конце 1918 г. оказались на стороне эсеров. Но даже эти цифры свидетельствуют об умелом использовании большевиками эсеровского лозунга о социализации земли, который давал значительные конкурентные преимущества большевикам в деревне. А. Фролов назвал подобное положение «договором пролетариата с крестьянством» [Фролов 2013: 14]. Согласно этому негласному союзу «помещичья земля конфисковывалась, вся земля национализировалась и передавалась в пользование крестьянству. За это последнее отдавало пролетарскому государству все излишки урожая и поставляло солдат в Красную армию» [Фролов 2013: 14]. На руку большевикам играло и то, что «партийный окрас» в крестьянской среде не играл определяющей роли, опирался на сиюминутные прагматические взгляды общины в системе социально-экономических координат: «поземельные ресурсы – относительная свобода распоряжения ими».

Сам лозунг о социализации земли коррелировал в сознании крестьянства с устоявшимися вековыми чаяниями о «земле и воле» и опирался на реалии малоземелья черноземной деревни. Крестьянство, попав в сети «системной бедности», перманентно испытывало «земельный голод» [Бруцкус 1922: 102]. «По переписи 1917 г. средний надел на мужскую душу населения в Курской губ. – 1,7 дес., в Орловской – 1,8, в Тамбовской – 1,9 дес. [Белькова 2008: 92]. При этом мощная поляризация деревни создавала условия для дифференциации сельского социума на 3 основные категории – зажиточное крестьянство, середняков и бедняков. Именно такие социально-экономические градации рождали полярные типы политического сознания крестьянства. Впоследствии ближе к большевикам оказалась крестьяне-радикалы, состоявшие в основном из малоимущих [Яров 2014: 9].

Подобное положение, с одной стороны, создавало условия для развития пробольшевистских сил в деревне, с другой – формировало риски разрастания внутриобщинного конфликта до общегосударственного масштаба. В последнем случае против большевиков играл целый комплекс факторов, способных привести к институциональным ошибкам, – упразднение прежних аграрных регуляторов, системный кризис в экономике и отсутствие последовательности в предыдущих аграрных трансформациях. Кроме того, в условиях низкой гражданской культуры и векового абсентеизма крестьянской общины резко замедлялся экономический рост, нарастали сепаратистские настроения в деревне.

Но в целом советская власть стала укрепляться в связи с ментальной близостью и общей направленностью крестьянской революции и позиций большевиков. Так, В.В. Бабашкин отмечает у обоих политических акторов четкое видение конечной цели революции, неуклонное движение к достижению данной цели, а также «зве-

риную, средневековую жестокость, которой не гнушались и те и другие...» [Яров 2014: 28].

«Общинная революция» 1917 г. разрушила прежние институты власти. К тому же административные органы Временного правительства как промежуточные институты для большевистской национализации земли были малопригодны. Поэтому перед советской властью встала важнейшая задача по ускоренному строительству нового аппарата управления в деревне. На смену земельным комитетам приходили Советы.

Экспансия большевистских институтов власти в черноземной деревне в целом была завершена к весне 1918 г. В Курской губернии окончательная «большевизация» Советов произошла во второй половине 1918 г. [Комаров 1927: 10]. В воронежской деревне изменение состава низовых органов власти с исключением из их состава зажиточных крестьян и правых эсеров происходит весной 1918 г. [Шестаков 1931: 13]. Динамика укрепления позиций большевиков в Козловском уезде Тамбовской губернии выглядит следующим образом: если в октябре 1917 г. советская власть установилась в среднем в 0,5% волостей, в ноябре 1917 г. — в 1%, то в январе 1918 г. — в 36% волостей, в феврале 1918 г. — в 42%. В марте 1918 г. к ним добавились еще 16% волостей, в апреле 1918 г. — 2%. Весна 1918 г. подвела черту под политической борьбой за власть в Козловском уезде. Это подтверждает и постепенное изменение состава волостных Советов и их исполкомов в пользу большевиков. Так, к марту 1918 г. 60% волостных Советов были пробольшевистскими. Левые эсеры, напротив, к весне занимали лидирующие позиции лишь в 10% волостных Советов, а в 72% имели меньшинство. Политический дрейф деревни в сторону РСДРП(б) был обусловлен целым рядом факторов — от жестких мер борьбы до возвращения с фронта демобилизованных большевизированных солдат.

Вслед за сельсоветами в деревню пришли комитеты бедноты, а также советские хозяйства и партиейки. Появление в деревне комитетов бедноты свидетельствовало не только о стремлении советской власти внести социально-экономический раскол в деревню для разрешения политических и продовольственных задач, но и о кризисе управляемости на местах, формировании в селе к осени 1918 г. фактического двоевластия [Яров 2014: 27]. Подобная политическая дифференциация была вызвана двумя мощными социальными потоками в крестьянской среде — выступающими за углубление перераспределительных процессов, изъятие «излишков» государством и их противниками. Деревня, ранее монолитно выступавшая за «социализацию земли», вступила в полосу внутриобщинной борьбы.

Политика раскола с участием комбедов в черноземной деревне проводилась несколько месяцев. Наивысший градус конфликтности возникал в тех населенных пунктах, где фиксировалась наивысшая степень экономической дифференциации крестьянства. Например, в Царевской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии на заседания 1-го уездного съезда комбедов зажиточные крестьяне вели активную агитацию против организации комитетов бедноты¹. А в Беломестно-Двойневской волости Тамбовского уезда 6 августа 1918 г. на собрании бедняков были слышны выкрики: «Для чего и к чему разбивать крестьянство на два лагеря. Мы все бедные»².

Перманентное давление советской власти на деревню вызывало рост антисоветских настроений и нарастание сопротивления зажиточной части деревни мероприятиям советской власти, которые выливались в вооруженные выступления. Так, 18 июля 1918 г. Совет рабочих и крестьянских депутатов Токаревской волости Тамбовского уезда выслал телеграмму губернскому комиссару внутренних дел с просьбой «срочно выслать отряд 150 человек»³ для борьбы с активкомбедовскими настроениями.

¹ Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-837. Оп. 1. Д. 23. Л. 32(об).

² *Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): документы и материалы*. М. 2003. С. 353–354.

³ *Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918–1921 гг.*: сборник документов и материалов. Воронеж. 1989. С. 76.

На процесс становления комитетов бедноты в деревне оказывали влияние политические оппоненты советской власти. Например, в Курской губернии на 2-й Дмитриевской уездной конференции РКП(б) оратор Рубанов отмечал «засилье левых эсеров в волости, которые всеми силами стараются тормозить в деле работы по организации комитетов бедноты»¹.

Вынужденная, фактически антикризисная мера по введению в местный управленческий аппарат комитетов бедноты не оправдала ожиданий большевиков в полной мере. Однако некоторые страты деревни, уставшие от перманентного давления извне, готовы были идти на компромисс с советской властью. В августе 1918 г. «Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» характеризовали настроения в Борисоглебском уезде как безразличие обывателя к политической борьбе, к «укреплению завоеванных позиций, когда он всем своим существом запуганный невиданными социальными новшествами или тяжелым экономическим положением, готов пожертвовать своими завоеваниями, только бы оставили его в покое и не мешали его собственническим инстинктам и побуждениям»².

О нарастающем недоверии населения к советской власти, а также к ряду других политических сил 23 июня 1918 г. на утреннем заседании III Всероссийского партийного съезда левых социалистов-революционеров говорила М.А. Спиридонова: «Деревня разочарована в Советской власти, в партиях, в социализме, не только в большевизме, а и в социализме...»³.

Основной причиной падения «рейтинга» советской власти среди крестьянства стали шаги большевиков на продовольственном фронте. Кроме того, повышали градус конфликтности проступки и правонарушения представителей советской власти, работавших в деревне.

Зачастую на волне революционных событий в советский аппарат власти приходили деструктивные управленцы, проходившие общественно-политические фильтры, которые не были настроены на отсев по морально-этическим нормам. В докладной записке уполномоченного Совета обороны по чрезвычайной ревизии продовольственных отделов Рязанской, Тульской и Тамбовской губерний Озеровского «О положении в Козловском уезде» от 22 апреля 1919 г. отмечалось, «что местные власти — сельские члены ячеек, комиссары по борьбе с контрреволюцией брали взятки, пили самогон, допускали игру в карты, реквизировали, для себя, продавали лошадей, взятых на хранение и допускали злоупотребления...»⁴. Но калейдоскоп фактов нарушения советского аграрного законодательства венчали действия комиссара по борьбе с контрреволюцией села Токаровка Тамбовской губернии Клинкава. Он в 1918 г. был снят с должности за целый ряд правонарушений: самочинный вызов «отряда Неженцева для наведения паники среди мирных жителей села Токаровка... выдачу взятки члену уисполкома в размере 300 рублей и Неженцеву 5050 рублей... за самочинную организацию коммунистической ячейки, в которую вошел сам без всякой товарищеской рекомендации и ввел в нее полицейских и других царских прислужников... ночной разбой в доме гражданина Толкачева, в которого произвел выстрел из револьвера в голову в пьяном виде»⁵. Ряд местных совработников подменяли целостную политическую жизнь строительством псевдобольшевистских институтов власти, самочинными действиями и взяточничеством.

Под влиянием перманентных нарушений законодательства и норм общежития местными совработниками в деревне усиливалось недоверие к власти. Поэтапно индифферентное отношение деревни к советской власти сменялось откровенным негативизмом. Хлебопашец Елецкого уезда Орловской губернии давал достаточно

¹ Государственный архив Курской области (ГАКуО). Ф. Р-1740. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

² *Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов*. 1918. 8 авг.

³ Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы. 1917–1925 гг. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. Апрель–июль 1918 г. М: РОССПЭН. 2010. С. 303.

⁴ *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»)*: документы и материалы. Тамбов. 1994. С. 26.

⁵ ГАСПИТО. Ф. П-842. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

жесткие оценки деятельности местных большевиков: «Какие это большевики, это наши мошенники. Я думаю, что общенародная оценка существующей власти такая: они наверху там хотят настоящего добра народу, но внизу власть захватывает разбойник...» [Пришвин].

Негативному образу советской власти, сформированному некомпетентностью, мздоимством, злоупотреблениями ее представителей, противостояли реальные шаги по осуществлению аграрных преобразований. Как отмечено в протоколе заседания 2-го Курского губернского земельного съезда 17 мая 1918 г., представитель Новооскольского уезда Воронков доложил, что «распределение земель прошло благополучно, хотя и были некоторые конфликты, но благодаря местной власти улажено»¹. Однако атмосфера взаимного недоверия, «земельная жажда», с одной стороны, и политика административного давления – с другой, не оставляли возможности для выстраивания доверительных взаимоотношений между властью и общиной.

Зачастую в качестве «отмычки» к решению деревенских проблем и утверждения своих позиций местные власти выбирали административные методы. Сила оружия большевиками применялась даже при проведении посевных кампаний, если попытки разъяснения и убеждения крестьян в необходимости засеивать чужие земельные участки наталкивались на безразличие и индифферентность. В протоколе заседания Липецкого уездного земельного отдела и его подотделов 3 октября 1918 г. отражено выступление заведующего Липецким уездным земельным отделом Н.М. Коблякова по вопросу проведения в жизнь постановления 3-го уездного земельного съезда об обработке парной земли под зябь. Он предложил для проведения пахоты предпринять экстренные меры, «вплоть до оружия»².

Но на угрозы совработников применить оружие крестьяне давали симметричный ответ. Так, в июле 1918 г. в Сырской волости Липецкого уезда на требование советских чиновников вернуть незаконно занятые луговые угодья крестьяне говорили: «Сколько хотите присылайте красноармейцев, все равно Ваше не возьмет»³. Нежелание большевиков прислушиваться к мнению деревни создавало условия для дальнейшей эскалации конфликта.

Неприятие деревней большевиков переросло в антисоветские выступления. Так, в 1918 г. в Воронежской губернии было зафиксировано 45 подобных актов [Шестаков 1931: 23]. «Около 30% этих выступлений падало на борьбу против советов: убийство членов Советов, срыв избирательных собраний, разгон исполкомов, поджоги зданий советов и попытки захвата советов в руки кулаков» [Шестаков 1931: 23]. А к концу 1918 г. усилилась борьба деревни с советской властью на «продовольственном фронте».

Крупные крестьянские выступления стали возможны в условиях десакрализации власти, ослабления и исчезновения прежних институтов власти. Приходившие им на смену радикальные советы, комбеды в большинстве случаев вызывали социальную напряженность внутри черноземной деревни. На посягательства большевиков на «землю» и «волю» черноземная деревня ответила мощной протестной волной. А при перераспределении как поземельных ресурсов, так и властных полномочий на местах крестьянские общины «активизировали свою компенсационно-административную функцию» [Сухова 2008: 445], т.е. стали активно бороться за влияние в советских органах.

Разрыв связей с дореволюционной системой государственного и местного самоуправления в сочетании с острыми социально-экономическими проблемами вел черноземную деревню к радикализации крестьянства. Советская власть, оказавшись перед лицом аграрного кризиса, выразившегося в резком сокращении производственного потенциала села, пустило в ход негибкие, административные механизмы, получившие название военного коммунизма. То есть, с большим тру-

¹ ГАКУО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

² Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

³ ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 45. Л. 52.

дом завоеванные политические позиции в деревне большевики решили защищать силой оружия.

Под вывеской социалистической республики и диктатуры пролетариата большевики установили фактическую диктатуру большевистской «верхушки», большевистских вождей и большевистской элиты, жестко подавляя любые попытки выхода из поля тотального контроля партии и государства как в крестьянской среде (например, антоновщина, колесниковщина), так и внутри самой номенклатурной системы, в узком слое партийных функционеров.

«Крестьянская революция 1917–1918 гг. трансформировалась в крестьянскую войну с коммунистической властью. Место прежнего извечного врага – помещика – в крестьянском восприятии заняло государство, завладевшее землей» [Алешкин 2012: 13]. Если в дореволюционный период в понимании деревни носителем антикрестьянских интересов выступали отдельные рафинированные представители «благородного сословия» и власти (помещики, полицейские чины, сборщики налогов), то с наступлением «эры Октября» объектом всеобщей ненависти выступила монолитная советская власть с целым штатом агентов.

Список литературы

Алешкин П.Ф. 2012. *Крестьянское восстание в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины*. М.: Вече. 400 с.

Белькова Н.А. 2008. Позиции крестьянства Центрального Черноземья в годы Гражданской войны. — *Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Д. Калайдовича*: сборник материалов. Вып. 8. Елец. С. 90–106.

Бруцкус Б.Д. 1922. *Аграрный вопрос и аграрная политика*. Петроград. 365 с.

Комаров А.А. 1927. 1917 г. в Курской губернии (окончание). — *Известия Курского губернского общества краеведения*. № 5. Сентябрь–октябрь.

Пришвин М.М. *Дневники 1918*. Доступ: <http://www.srcc.msu.ru/uni-persona/site/authors/prishvin/pri-1918.htm> (проверено 23.03.14).

Протасов Л.Г. 1997. *Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели*. М.: РОССПЭН. 368 с.

Сухова О.А. 2008. *Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья*. М.: РОССПЭН. 679 с.

Фролов А. 2013. Последняя судорога помещичье-самодержавной системы (преобразования П.А. Столыпина через призму ленинских оценок). — *Русский экономический журнал*. № 3. С. 3–15.

Шестаков А. 1931. Деревня ЦЧО от Октября до НЭПа. — *Краеведческий альманах. Исторический сборник*. Кн. 1. Воронеж: Коммуна. С. 13–30.

Яров С.В. 2014. *Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг.* М.: РОССПЭН. 375 с.

NIKOLASHIN Vadim Pavlovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Senior Lecturer of the Chair of State and Municipal Management, Michurinsk State Agrarian University (Internacional'naja str., 101, Michurinsk, Tambov region, Russia, 393760; nikolashin.vadim@yandex.ru)

MAJOR CHALLENGES OF THE ESTABLISHMENT OF THE SOVIET GOVERNANCE IN RURAL CHERNOZEM REGIONS (1917–1918)

Abstract. The article analyzes the problem of establishment of the Soviet authority in the rural chernozem regions. Political pragmatism of the Bolsheviks and the use of the agrarian program of SR's (socialist-revolutionaries') based on the idea of the socialization of the land has simplified the task of coming to power at the center of the country. However it took several months to strength its position in the countryside. Several significant mistakes have been done and that led to the growth of antagonism between the authority and the peasantry. Later it caused a number of serious peasant riots.

Keywords: Soviet power, rural region, socialization of land, Bolsheviks, peasantry